

Александр УРМАНОВ

зав. кафедрой литературы БГПУ

«ШПИЛЬКИ» НАШЛИСЬ! (Об одной литературной сенсации)

Литературная жизнь Приамурья дооктябрьского периода изучена пока ещё по большей части поверхностно. Подлинный её масштаб скрыт от нашего взгляда. До сих пор остаются неизвестными или практически неосмысленными многие литературные явления, в том числе незаурядные. А известные, в силу своей разрозненности, не складываются (да и не могут пока сложиться) в общую картину. Тем более, их недостаточно для того, чтобы представить литературный процесс на Амуре в подлинном его объёме и живой динамике. Имена большей части писателей, живших в эти годы в Благовещенске, мало кому известны, произведения их сейчас практически недоступны, так как не переиздавались в течение более чем столетия. Часть из них безвозвратно утрачена, часть рассеяна по страницам периодической печати огромного региона, по газетам, которые в лучшем случае можно найти, да и то не в полной комплектации, лишь в крупнейших архивах и книгохранилищах страны.

Тот факт, что Амурский край не выдвинул в дореволюционное время писателей, получивших признание в масштабах всей России, ещё не означает, что литературная жизнь региона носила сугубо провинциальный, «местечковый» характер. Что здесь не было авторов, которые могли бы занять достойное место в контексте общероссийской литературы, которые заслуживали бы более широкого круга читателей. На такую роль, как представляется, вполне могли претендовать первый амурский поэт Леонид Волков (1870-1900) и сатирик Фёдор Чудаков (1887-1918).

Что касается Волкова, то его творчество, благодаря сохранившимся, дошедшим до нас двум прижизненным сборникам «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899) и особенно благодаря посмертно изданным «Сочинениям Л.П. Волкова» (1902), известно сейчас практически в полном объёме.

С Чудаковым, к личности и творчеству которого альманах «Амур» привлёк внимание год назад¹, всё обстоит иначе. Судьба литературного наследия этого авто-

ра незавидна: большая часть его произведений, в том числе и весьма талантливых, актуальных и поныне, утрачена или же затерялась на страницах амурской периодики начала XX столетия и сейчас практически недоступна. После трагической гибели в марте 1918 года Чудакова, его жены и дочери² бесследно исчез и личный архив писателя.

Но есть и факты обнадеживающие. До недавнего времени считался утраченным сборник лирических стихотворений Ф. Чудакова «Пережитое», изданный под псевдонимом «Босяк» в Благовещенске в 1909 году и сразу же конфискованный по распоряжению властей. В то, что сохранился хотя бы один экземпляр сборника, не верил даже автор. Через девять лет, в 1918-м, включая в первый номер своего сатирического журнала «Дятел, беспартийный» новый вариант стихотворения «Евшан-трава», Чудаков не преминул указать в примечании, что впервые оно было напечатано в «Пережитом». Что касается судьбы самого сборника, то он, по словам поэта, «по постановлению прокурора был конфискован и сейчас едва ли где имеется хоть один экземпляр этой книжечки»³. В седьмом выпуске альманаха «Амур» (2008) автор этих строк сообщил, что, вопреки утвердившемуся мнению, книжка «Пережитое»⁴ не исчезла: оригинал этого раритетного издания находится в Российской государственной библиотеке, а копии – в отделе редких книг Амурской областной научной библиотеки и в литературно-краеведческом музее БГПУ. Здесь же, в альманахе, была напечатана и небольшая подборка стихотворений из неё – первое переиздание за целый век⁵.

Безвозвратно утраченным считался и сборник стихотворных фельетонов Чудакова «Шпильки» (1909). Пос-

² См. об этом: Амур: Литературный альманах БГПУ. № 7. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 55.

³ Дятел, беспартийный: Еженедельное литературно-сатирическое издание. 1918. № 1. 14 (27) января. С. 3.

⁴ Босяк [Чудаков Ф.И.]. Пережитое: Стихи. – Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

⁵ Чудаков Ф. Пережитое: Стихи // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 7. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 57-58.

¹ Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков). Публикация А.В. Урманова // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 7. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 47-54.

ле его выхода против автора и издателя возбудили судебное преследование, в результате чего сборник был изъят из обращения и бесследно исчез. Спустя годы в воспоминаниях, печатавшихся в журнале «Дятел, беспартийный» (1918), Фёдор Чудаков рассказывал об этом с присущим ему чувством юмора: «Главному управлению по печати так понравился сборник “Шпильки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести всё издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архивах жандармского управления. Приобретение состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как всё-таки было неловко ничего не платить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы».

В течение столетия о судьбе «Шпилек» ничего не было известно, хотя, как мы знаем, основатель литературного краеведения Приамурья А.В. Лосев много усилий и времени потратил на то, чтобы обнаружить сборник в региональных и центральных книгохранилищах и архивах (в том числе в архивных делах жандармского ведомства). Тщетно. И вот сегодня, спустя ровно век после выхода книги, произошло то, на что мало уже кто надеялся – сборник стихотворных фельетонов Фёдора Чудакова «Шпильки»⁶ обнаружен, найден. Это настоящая литературная сенсация, причём отнюдь не местного, не областного масштаба. Книга (единственный на сегодняшний день известный экземпляр) находится в Благовещенске, хранится в одной из частных библиотек⁷.

Прежде чем обращаться к сборнику «Шпильки», вспомним биографию автора – особенно те факты, которые имеют непосредственное отношение к найденной книге – к обстоятельствам, связанным с её созданием, а также к её содержанию, тематике и проблематике.

⁶ Язва [Чудаков Ф.И.]. Шпильки: Сборник стихотворений. – Благовещенск: Издал Д. Челеби; Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. 31 с.

⁷ Владелец раритета – благовещенский библиофил Сергей Николаевич Лафин, который, по его словам, приобрёл сборник Чудакова года три назад. «Шпильки» переплетены вместе с ещё одной редкой книгой – «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» (Благовещенск, 1901), автором которой является редактор-издатель «Амурской газеты» А.В. Кирхнер (1860-1903). Ранее эта сдвоенная книга находилась в личной библиотеке жителя Зеи Василия Андреевича Ланкина. Сведениями о том, каким образом, когда и от кого она попала к нему, мы не располагаем. С.Н. Лафин не придавал особого значения своему приобретению, так как не предполагал, что «Шпильки» считаются утраченными. Сегодняшней литературно-краеведческой сенсации предшествовала цепочка и случайных, и закономерных обстоятельств. Всё началось с того, что несколько месяцев назад автору этих строк предложили написать главу о литературной жизни Приамурья для книги о дореволюционном Благовещенске. В этой главе и было упомянуто, что сборник Фёдора Чудакова «Шпильки» пока не обнаружен. Затем рукопись главы попала к редактору книги Анатолию Васильевичу Телюку, а он вспомнил и сообщил автору, что некоторое время назад видел сборник Чудакова, когда по его просьбе С.Н. Лафин приносил в издательство книгу Кирхнера. Таким образом всё «сцепилось» в единое целое, и чрезвычайно важное открытие состоялось.

Фёдор Иванович Чудаков родился в 1887 году в городе Чембаре (ныне г. Белинский) Пензенской губернии в семье сапожника. Учился в Чембарском городском трёхклассном училище, окончил его в 1903 году. Сведений о том, что Чудаков получил образование в каком-либо ином учебном заведении, нет. Между тем творческое наследие писателя (в том числе сборник «Шпильки») ярко свидетельствует о том, что он имел обширные познания в разных сферах жизни и культуры, был весьма начитанным человеком, обладал развитым эстетическим вкусом.

В 1906 году за участие в революционной деятельности, а именно за связь с партией социалистов-революционеров, Чудаков был арестован, но вскоре освобождён. Второй раз его арестовали в 1907 за распространение эсеровских революционных прокламаций. На этот раз царская Фемида оказалась не столь милостивой: Саратовская Судебная палата приговорила Ф.И. Чудакова по статьям 128 и 129 Уголовного Уложения к трём годам ссылки, которую ему пришлось отбывать в одном из сёл далёкой от родных мест Енисейской губернии. Однако через год Чудаков бежал в Красноярск, где сблизился с ещё одним беглым политическим ссыльным – Дмитрием Чернышёвым, а также с его гражданской женой Варварой Протопоповой, приехавшей в Сибирь из Вятской губернии для того, чтобы ухаживать за любимым человеком, заболевшим чахоткой. Скрываясь от розыска, в сентябре 1908 года втроём они отправились в Приамурье, в далёкий и потому, видимо, казавшийся спасительным Благовещенск, куда молодые люди добрались в начале октября. Поселились тоже вместе, на одной квартире, в доме по Амурской улице.

Ф. Чудаков, живший в городе по подложному паспорту, выданному на имя крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко, начал сотрудничать в газетах «Амурский край» и «Торгово-промышленный листок объявлений», опубликовав там под псевдонимами несколько стихотворений, рассказов и очерков. В. Протопопова, которая на родине была учительницей женской гимназии, стала зарабатывать на жизнь частными уроками. А вот Д. Чернышёв вскоре после приезда в Благовещенск покончил жизнь самоубийством, потеряв надежду на излечение и не желая быть обузой для близких людей. Варвара Протопопова вскоре стала женой Фёдора Чудакова.

В конце декабря жандармское ведомство вышло на след беглеца, и в первые дни января 1909 года он был арестован и препровождён в Благовещенскую тюрьму. Воспоминания об этой странице своей биографии Чудаков опубликовал в 1918 году⁸. После отбытия наказания за побег с места ссылки (сравнительно короткого – в 1909 и более продолжительного – в 1910) Чудаков жил в Благовещенске под гласным надзором полиции.

В сборнике лирических стихотворений «Пережитое» (1909) отразились факты биографии Чудакова, отно-

⁸ Чудаков Ф. Из воспоминаний // Дятел, беспартийный: Еженедельное литературно-сатирическое издание. 1918. № 4. 4 (17) февраля. С. 4-6.

сящиеся ко времени его бегства из енисейской ссылки и первых месяцев жизни в Благовещенске: знакомство со ссыльным Дмитрием Чернышёвым и его гражданской женой Варварой Протопоповой, побег на Амур, трагическая смерть товарища по революционной борьбе, любовь к Варваре Ипполитовне. Автобиографическая природа этих произведений, в частности, помогает понять характер отношений Ф. Чудакова и В. Протопоповой, позволяет сделать вывод, что они строились не только на чувственном влечении, но и на идейной близости:

Ты в трауре... Лицо твоё бледно,
И тёмные полосы под глазами.
Не плачь о нём, утешься! Всё равно,
Его не воскресишь слезами!
Он был герой. Он мужественно пал
В защиту драгоценнейшей идеи.
Его народ своей надеждой звал,
И трепетали фарисеи...
Он был герой. О нём ты не грусти!
Его не воскресишь слезами!
Сильнее будь! Иди и мсти!
Иди за нами!

Что касается Варвары Протопоповой, то история взаимоотношений с Дмитрием Чернышёвым и Фёдором Чудаковым, история, которая привела её, девушку из небольшого вятского городка Малмыж, вначале в Сибирь, а затем на Дальний Восток, в Благовещенск, нашла отражение и в сборнике «Шпильки» – в венчающей книгу стихотворении «Светлана». Оно строится как подражание одноимённой балладе В.А. Жуковского, но содержание сна, конечно же, иное – в нём воссоздаётся канва подлинных, реальных жизненных событий, приведших героиню в Сибирь и на Дальний Восток. И здесь следует сказать об одном важном обстоятельстве. Найденный экземпляр сборника «Шпильки» содержит две уточняющие приписки от руки, сделанные кем-то, кто, похоже, знал Чудакова и был посвящён в его творческую лабораторию. Первая приписка – расшифровка фамилии городского врача в эпиграфе стихотворного фельетона «Эстеты». В авторском тексте он обозначен одной буквой – Т. В рукописной приписке фамилия восстановлена полностью – Таубер. Вторая рукописная вставка имеет отношение к стихотворению «Светлана», к заключительному его фрагменту:

...Вся в поту, дрожа слегка,
Девушка проснулась,
И тяжёлая рука
До неё коснулась.
«Ну, чего ты дрыхнешь? Встань!»
И Светлана, точно лань,
Задрожала в страхе.
Перед ней стоял гигант:
То жандармский был сержант,
В бурке и папахе...

(Прод. известное.)

Так вот, прямо под финальной строчкой «Прод. известное» (прод. здесь – продолжение. – А. У.) от руки,

характерным женским почерком, дописано: «(Три месяца в тюрьме)». Прототипом Светланы в стихотворении Чудакова, как нетрудно догадаться, была Варвара Протопопова. Если допустить, что автор рукописной вставки знал обстоятельства её жизненной судьбы (а это очень похоже на правду), тогда, возможно, следует внести важное уточнение в имеющиеся биографические сведения о благовещенском периоде жизни Варвары Ипполитовны. В своём неоконченном очерке о Фёдоре Чудакове А.В. Лосев писал по этому поводу: «Поскольку за учительницей гимназии из Малмыжа, кроме отношений с политическими, не числилось никаких “преступных деяний”, она после задержания и допроса в жандармском розыском пункте была выпущена на свободу»⁹. Приведённые выше обстоятельства дают основание считать вопрос о сроках пребывания Варвары Протопоповой-Чудаковой за решёткой, по крайней мере, открытым, нуждающимся в уточнении.

Но вернёмся к автору найденной книги. После отбытия в начале 1909 года кратковременного тюремного заключения он продолжил сотрудничество с рядом местных периодических изданий, опубликовав на их страницах, в том числе, и сатирические стихотворения, часть из которых в том же году была включена в «Шпильки».

На титульном листе сборника, помимо указания на типографию, выпустившую книгу («Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко»), значится: «Издан Д. Челеби». Д. Челеби – это Даниил Абрамович Челеби. Под такой фамилией (с паспортом на это имя) в Благовещенске с 1907 года жил Иосиф Александрович Постернак. Как установил А.В. Лосев, он родился в 1887 году в городе Очакове Николаевской области Украины и происходил из мещан. Челеби был сотрудником ряда периодических изданий Приамурья, редактором-издателем газет «Амурский телеграф» (1913-1914), «Амурский листок» (1913-1914), «Алексеевская жизнь» (1915), журнала «Амурские волны» (1914) и т.д. Именно Челеби (Постернак) в 1909 году выступил в явно рискованной роли издателя сборника сатирических стихотворений Ф.И. Чудакова «Шпильки», за что, как и автор книги, подвергся судебным преследованиям.

Сборник включает 17 стихотворных произведений. Почти все они (за исключением разве что цитировавшегося выше стихотворения «Светлана») имеют ярко выраженный сатирический характер. Собственно, на это указывает уже псевдоним, под которым автор выпустил книгу, – *Язва*, а также название сборника. *Шпилька* по Далю – в одном из прямых значений «спица, остроконечный прут», «род острого гвоздочка»; в переносном – «намёк, либо наветка, обиняк, укор, попрек, колкое словцо»¹⁰. Современный словарь даёт следующее толкование: «Колкое, язвительное замечание, колкость»¹¹.

⁹ Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков). Публикация А.В. Урманова // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 7. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 53.

¹⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1978-1981. Т. 4. С. 643.

¹¹ Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 4. С. 728.

Чудаков подобрал на редкость удачное название для своей книжки. Действительно, колкость, язвительность – отличительные черты стиля «Шпилек». Судя по всему, стихотворный фельетон – любимый жанр Фёдора Чудакова; жанр, наиболее органичный для него. Как известно, фельетон – это остро злободневное художественно-публицистическое произведение сатирической направленности, как правило, предназначенное для публикации в газете или журнале. По складу своего характера и темпераменту, по своей бескомпромиссной гражданской позиции, по художественному дарованию, наконец, Фёдор Чудаков был прирождённым фельетонистом. Его талант расцветал в те годы, когда в России появилась целая плеяда блестящих сатириков – Аркадий Аверченко, Надежда Тэффи, Саша Чёрный, когда издаваемый в Петербурге еженедельный сатирический журнал «Сатирикон» (1908-1914) стал одним из самых популярных в стране периодических изданий. Сложилась судьба Фёдора Чудакова иначе: окажись он в столице, среди профессиональных литераторов и критиков, в творческой атмосфере «Сатирикона», художественный талант его получил бы необходимую огранку, и мы бы сейчас говорили о нём как о художественном явлении не регионального, а национального масштаба. Впрочем, значимость и уровень созданного Чудаковым гораздо выше, чем это принято считать. Лучшие из его сатирических стихов вряд ли уступают большей части произведений, печатавшихся в том же «Сатириконе». Не следует забывать и о том, что фельетоны, вошедшие в сборник «Шпильки», – лишь первые пробы пера Чудакова-сатирика, что ему тогда было всего двадцать два года, что в полную силу художественный талант автора раскроется позже.

1909 год – это разгар реакции, наступившей после поражения первой русской революции. Это было время, когда власть видела в независимой печати источник опасного вольномыслия, от которого один шаг до революционной крамолы, а потому применяла целый комплекс мер давления на свободное слово: драконовскую цензуру, экономическое удушение независимых печатных органов, административное воздействие, судебное преследование редакторов и авторов. Впрочем, журналистов, писателей, готовых рисковать своим положением и своим благополучием ради сохранения верности идеалам свободы, оставалось к тому времени не так уж много. Особенно это касалось отдалённой провинции, где административное давление на прессу было более грубым, а вмешательство в её дела – более бесцеремонным, чем в столице или крупных городах европейской России. Саша Чёрный писал об этом времени в стихотворении «Отбой» (1908):

По притихшим редакциям,
По растерянным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчанье себя награждая с лихвой,
Несётся испуганный вой:
Отбой, отбой,
Окончен бой,
Под стол гурьбой!

Реакция затронула все стороны российской действительности, жестоко ударив по демократическим иллюзиям, смертельно напугав большую часть либеральной интеллигенции. Общественную атмосферу того времени определяли растерянность и отчаяние, вызванные потерей веры в возможность демократического обновления общества. Завинчивание идеологических гаек, судебные и административные преследования, жёсткий цензурный намордник, давление официоза были столь сильны, что немало представителей интеллигенции, в том числе творческой, отрекались от прежних идеалов и убеждений. Но гораздо больше было тех, кто занял выжидательную позицию, кто не решался высказывать свои политические взгляды, а тем более действовать в соответствии с ними. Откликом автора «Шпилек» на эту общественную ситуацию, на нежелание российской интеллигенции открыто отстаивать свою гражданскую позицию явилось «Сказание об Исаакии витязе». В этом сатирическом стихотворении Чудаков аллегорическим сюжетом отвечает на приведённый в эпиграфе вопрос из газетной передовицы: «Итак, за кем же пойдёт русская интеллигенция?» Интеллигенцию в произведении представляет витязь, оказавшийся на политическом распутье, не знающий, что выбрать – терновый венец, сытый покой мещанина или борьбу против правды и света:

...Опешил наш витязь, когда прочитал
Такие с доски наставленья
И долго в раздумье затылок чесал:
Какое же взять направленье?
Конечные пункты различных дорог
Мешались и путались вместе.
К чему же стремиться, решить он не мог
И начал топтаться на месте.
За месяцем месяц летит и летит,
Один, три, десяток... сто... двести...
А он на распутье, как прежде, стоит,
И топчется, бедный на месте.

Один из традиционных для русской литературы данного периода (в том числе для авторов журнала «Сатирикон») объектов сатирического изображения – сонный российский обыватель, равнодушный к тому, что происходит в стране, безучастный к настоящему искусству, к высоким общественным идеалам, требующим от него жертвенного служения. Обыватель, предпочитающий услаждать свои зоологические инстинкты и примитивные вкусы, находящийся в состоянии духовного анабиоза. В «Сатириконе», к слову сказать, по мере нарастания реакции, тема разоблачения сытого и сонного царства мещанства вышла едва ли не на первый план. Российский обыватель, погрузившийся в мёртвую спячку, не желающий принимать участие в общественно-политической жизни страны, стал постоянной мишенью для сатириков. Аркадий Аверченко писал: «Теперь вся Великая Россия сквозь сон извивается в смертельной нудной тоске» (Сатирикон. 1909. № 35. С. 3).

Сонному обывателю посвящено стихотворение Ф. Чудакова «Спящий красавец» с подзаголовком «Опе-

ретка в 1 действии». В прозаической преамбуле автор рисует условно-аллегорическое сценическое пространство, на котором и будет разыгрываться «опереточное» действие: «глухой, непроходимый лес», в котором растут огромные деревья с выразительными табличками: «Усиленная Охрана», «Чрезвычайная Охрана», «Военное Положение» и т.п. А между деревьями – множество пней с надписью: «срублено 1905 года». Среди леса стоит избушка на курьих ножках, а в ней «сном праведника поживает ОБЫВАТЕЛЬ». К избушке чередой являются аллегорические образы – «тени» прекрасных женщин, которые безуспешно пытаются пробудить обывателя.

Тень: Пусти! Я – тень Культуры!

Я светом знания твой хочу нарушить сон!

Я принесла тебе сокровища скульптуры,

Науки, зодчества, литературы...

Обыватель: Вон!

Не надо твоего заморского подарка!

Уйди! А то проснусь, так небу будет жарко!..

Тень: Скорей пусти меня!

Я гордая прекрасная Идея!

Тебя я поведу в волшебные края,

Где так светло, где дышится вольнее.

Где Братство, Равенство...

Обыватель: Гони её по шее!

Ишь, принесла богатый клад!

Впусти тебя – тотчас велят

Пасти Макаровых телят!

Шалишь! Повёртывай назад!..

Первые «тени» с плачем покидают сцену, и тут появляется целый рой других «теней»: «бесстыдные, циничные женщины и мужчины, грубо-обнажённые, с нескромными жестами»:

Первый: Милый, добрый Обыватель!

Отвори, ты будешь рад!

Я – старинный твой приятель –

Необузданный Разврат!

Второй: Отвори ты нам, не труся,

Сон нарушить не жалеи!

Порнографией зовуся

Я издавна у людей!..

Остальные голоса: Мы – клубничное искусство,

Наслажденье – наша цель!

Мы в тебе разбудим чувство,

Незнакомое досель!

Обыватель с распростёртыми объятиями:

Скорей же, милые друзья!

Забудем мы и сон и горе!

Забуду с вами страхи я

И... запируем на просторе!..

Качества, которые Чудаков наблюдал у большинства российских обывателей (равнодушие, холопство, отказ от всего возвышенного, склонность к низменным удовольствиям), вызывали у него острое неприятие.

Большая часть сатирических стихов Чудакова была реакцией на события политической жизни страны и мира. Понятно, что в этих произведениях автор, сторонник эсеровских (и – шире – левых, революционно-демократических) взглядов, высмеивал своих идейных противников: представителей консервативных и черносотенных партий, одиозных депутатов Государственной думы, недалеко-видных и корыстных чиновников.

Уже сам выбор тем для фельетонов и фактов реальной действительности, на которых они основывались, несёт на себе отпечаток личности автора. Так, например, Ф. Чудаков не оставлял без насмешливо-язвительных комментариев правительственную политику, направленную на реализацию планов премьер-министра П.А. Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России. Являясь по своим взглядам сторонником эсеровской партии и предлагаемой ею земельной программы, суть которой – укрепление и развитие коллективных, кооперативных, общинных форм общественного и экономического устройства страны, автор «Шпилек» подвергает саркастическим насмешкам депутатов III (октябристской по составу) Государственной думы, поддержавших планы Столыпина. Этой теме посвящён сатирический фельетон «Подвиг»:

Раз в Таврических хоромах¹²

Депутаты заседали,

Обсудив мужичью долю,

Ей сюрприз готовили:

«Наш мужик и наг и беден, –

Говорили депутаты, –

И ему ужасно вреден

Призрак общины проклятой.

Этот голод, недороды,

И прикладыванье к чарке,

И искание свободы, –

Всё лишь общины подарки.

С давних пор мужик бунтует,

Полон злобы беспричинной.

Этот бунт ему диктует

Тот же старый дух общинный.

Ведь не даром эту «гадость»

Защищают так эсеры,

(Чтоб они, стране на радость,

Все пропали от холеры!)

Так давайте дружным взмахом

Уничтожим Минотавра –

«Им» главу покроем прахом,

А себе – венком из лавра».

И, воспрянув с буйным жаром,

Размахнулись депутаты

И снесли одним ударом

Призрак общины проклятой.

¹² Таврический дворец в Санкт-Петербурге – выдающееся произведение русского классицизма конца XVIII века. Построен в 1783-1789 гг. по указанию Екатерины II для её фаворита, светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина (Таврического). В начале 1900-х годов в Таврическом дворце размещалась Государственная дума.

А мужик пустил меж уха
 Депутатские подарки,
 И, стянув покрепче брюхо,
 Снова топит горе в чарке.
 А кулак, весьма довольный,
 В мутной речке рыбу удит...
 Уничтожен дух крамольный...
 Что-то будет, что-то будет?

Как видим, центр тяжести в фельетоне Чудакова, в полном соответствии с законами жанра, перемещён с непосредственного описания событий на их осмысление и анализ, а это немислимо без выражения собственной позиции – прозрачной и недвусмысленно ясной. А так как позиция сатирика радикально расходилась с позицией органов государственной власти, произведение становилось уязвимым и в цензурном отношении, и с точки зрения возможной реакции административных и судебных инстанций, а также полицейского и жандармского ведомств. Собственно, судьба сборника «Шпильки» и не могла быть иной, благополучной. Книга изначально была обречена. Удивление вызывает не то, что её изъяли из обращения, а то, как автору и издателю удалось напечатать книгу, провести её через цензуру.

В любом случае, нужно отдать должное гражданскому мужеству автора «Шпилек» – беглого ссыльно-поселенца, находящегося под гласным надзором полиции, только что выпущенного из тюремной камеры (и вскоре вновь туда водворённого). Ф. Чудаков не мог не осознавать, что от того, насколько лояльно он ведёт себя по отношению к существующему порядку, напрямую зависело его благополучие, благополучие семьи, возможность заниматься любимым делом, его свобода, наконец, да и вся его дальнейшая судьба.

Пожалуй, самая политически острая *шпилька* Ф. Чудакова – стихотворный фельетон «Сколько их!..», с подзаголовком «Из тюремных мотивов». И дело не только в том, что произведение это оппозиционно по своему характеру. Самое чувствительное и самое неприемлемое для цензуры и в целом для власти (особенно – провинциальной, губернской) то, что в стихотворении подвергнуты осмеянию конкретные, названные поимённо, государственные мужи.

Столичной прессе провести через цензуру подобные материалы было значительно легче. Так, в 1908-1909 гг. едва ли не все номера «Сатирикона» содержали язвительные намёки, а иногда и прямые выпады, направленные против государственной политики силового «успокоения» России, против той твёрдой внутривластной линии, идеологом и главным проводником которой был премьер Столыпин. Из номера в номер журнал давал иронические и сатирические портреты администраторов-усмирителей, имена которых, благодаря прежде всего либеральным печатным органам, были широко известны на Руси. Объектом язвительных уколов сатириков часто становились наделённые в условиях непрекращающихся революционных беспорядков чрезвычайными полномочиями градоначальники и генерал-губер-

наторы, действующие в наиболее беспокойных российских регионах. Некоторые из них, прежде всего военные люди, генералы, воспринимались общественностью как диктаторы. С точки зрения российских «прогрессивных» кругов, самые одиозные администраторы этого типа: генерал-майор Думбадзе (Ялта), генерал-лейтенант Толмачёв (Одесса), генерал от инфантерии Меллер-Закомельский (Рига), князь Горчаков (Вятка) и т.д. Репутация этих «столпов» правительственного порядка на страницах «Сатирикона», как говорится, не просыхала, к ним было приковано повышенное внимание авторов журнала¹³. Так, например, А. Аверченко писал об усмирении крестьян в Вятке. По распоряжению генерал-губернатора князя Горчакова их «прогоняли сквозь строй стражников с нагайками... Били в трёх случаях: до уплаты недоимок, во время уплаты и после уплаты. Народному ликованию не было конца» (1909. № 8. С. 11). В другом номере журнала рассказывалось о том, как в Калугу явился одессит с предложением поменяться генерал-губернаторами. Изумлённые калужане ответили: «Да ведь у нас тот самый, Вятский», имея в виду скандальное прошлое теперешнего своего генерал-губернатора Горчакова. Но одессит продолжал уговаривать, в полной уверенности, что хуже их градоначальника Толмачёва не бывает. О порядках, которые царили в Одессе при Толмачёве, рассказывал А. Аверченко. Герой его «Испытанных средств» – одесский обыватель Недобитов, у которого после усмирения по методу генерал-губернатора Толмачёва голова пробита железной палкой. Как объясняет Недобитову врач, «это хирургический отдел трепанации мозговых функций фармакопее, согласно пункта девятого, первого раздела статей об усиленной охране» (1909. № 1. С. 2-3).

Ф. Чудаков выступил в своём стихотворном фельетоне «Сколько их!..» вроде бы как типичный сатириконец. По крайней мере, произведение показывает, что амурский автор являлся постоянным читателем петербургского еженедельника и разделял его позицию. Однако, судя по всему, лишь до определённой черты. Отнести Ф. Чудакова всецело к лагерю либеральной интеллигенции нельзя. Да, как и авторы «Сатирикона», он упоминает всё тех же одиозных администраторов-усмирителей – Горчакова, Толмачёва, Меллер-Закомельского, Думбадзе. О первых трёх речь пойдёт в комментариях к стихотворению (см. «Приложение» к данной статье). О последнем, Думбадзе, есть необходимость поговорить развёрнуто.

Итак, один из персонажей произведения, узник острога, представляется: «– Я Думбадзии счастливой / Горемычный гражданин!» Никакой Думбадзии в составе Российской империи, конечно же, не было. «Счастливой» Думбадзией, которую населяют «горемычные граждане», Ф. Чудаков остроумно называет Ялту – в период, когда её градоначальником был полковник (с 1907 – генерал-майор) Думбадзе. Иван Антонович Думбадзе (1851-1916) – известный административный деятель правых взглядов. На должность градоначальника полковник был

¹³ См. об этом: Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконицы. – М.: Наука, 1968. 454 с.

назначен осенью 1906 года, в самый разгар революционных беспорядков. С первых же дней он заслужил репутацию твёрдого монархиста и непримиримого противника погромщиков и революционеров всех мастей. Стремясь на корню пресекать не только прямые антиправительственные выступления, но и малейшие проявления политического вольнодумства, Думбадзе действовал по военному решительно и жёстко, не всегда считаясь с существующими юридическими нормами, без оглядки на общественное мнение (которое в ту пору было почти сплошь либеральным). Он создал в Ялте режим личного контроля едва ли не над всем происходящим, превратив город фактически в свою вотчину, в подобие государства в государстве. Журнал «Сатирикон» язвил по этому поводу: «— Вы русский подданный? — Нет, ялтинский» (1908. № 9. С. 15). Либеральные круги ненавидели ялтинского градоначальника, «прогрессивная» пресса травлила его или, в лучшем случае, иронизировала. Так, в № 4 за 1908 год «Сатирикон» поместил выразительную телеграмму: «Генерал Думбадзе выслал в 24 часа из Ялты свою собственную шинель за ношение красной подкладки». Революционеры ультимативно требовали от Думбадзе подать в отставку, угрожая ему смертью. На эту угрозу градоначальник ответил: «Я уже собирался подать в отставку и даже рапорт заготовил по этому поводу, но теперь остаюсь на службе и докажу на деле, что никаких угроз не боюсь и остаток дней своей жизни посвящу на службу Царю и Родине». В феврале 1907 года на Думбадзе было совершено покушение, но брошенная бомба лишь контузила его. Организатором покушения был Пётр Войков, в будущем один из убийц царской семьи. Несмотря на шумные газетные скандалы, которые сопровождали «диктаторские» поступки ялтинского градоначальника, это не сказалось негативно на его карьере, в чём, видимо, не последнюю роль сыграло личное расположение к Думбадзе Николая II. В одной из бесед со Столыпиным, касаясь событий 1905-1907 годов, император заметил: «Беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, всё пошло бы по-иному».

Разумеется, бывшему социалисту-революционеру, беглому ссыльному Фёдору Чудакову всё виделось тогда совершенно иначе. Убеждённый противник царизма, он по определению не мог быть на стороне рьяного слуги самодержавия, ни при каких условиях не мог принять его сторону или хотя бы с уважением отнестись к его гражданской позиции. Взгляды автора «Шпилек» в этом отношении максимально сближаются со взглядами либеральной столичной интеллигенции.

Однако, если сатириконтцы главный акцент делали на ущемлении градоначальником Думбадзе и другими высокопоставленными чиновниками гражданских свобод, на подавлении политического инакомыслия, то есть на действиях, которые наносили ущерб преимущественно левым политическим партиям, радикальной и либеральной интеллигенции, то Чудаков заостряет внимание на другом: по его мнению, от самодурства и произвола властей страдает прежде всего простой народ, «люди в

серых армяках». Причём, по мнению автора стихотворения «Сколько их!..», жертвами жестокого административного насилия становятся не только подданные нескольких находящихся в центре общественного внимания градоначальников и генерал-губернаторов, а буквально всё население обширной Российской империи. В тюремном остроге (этот образ является предельно обобщённым) оказались собраны представители простого народа из Финляндии, Польши, Украины, Прибалтики, Пензы, Перми, Вятки, Рязани, Суздаля, Ярославля, Пошехонья, Тамбова, Северного Кавказа, Ялты, Сибири, Приамурья...

Ты скажи, каких губерний
Представителей здесь нет? —
Но... сгустился мрак вечерний
И — не слышен был ответ.

Иначе говоря, по Чудакову, вся Россия — не чаемый Чеховым «вишнёвый сад», а один большой острог, вселенский «дом печалей».

Ещё одна заслуживающая особого внимания *шпилька* — «Гоголевский юбилей». Это стихотворение Ф. Чудакова органично вписывается в русло сатирической традиции начала XX столетия. Тот же «Сатирикон» не раз использовал юбилей известных писателей как повод для обличения лицемерия государственной политики и официозной прессы. Специальные номера журнала были посвящены юбилеям Толстого, Чехова, Гоголя. По общему признанию, самый яркий и острый из них — 12-й (гоголевский) номер за 1909 год. На его обложке — рисунок известного карикатуриста Ре-Ми (Николая Ремизова) «В участке». Изображённый там городской ждёт указаний от начальства по поводу столетнего юбилея автора «Мёртвых душ»: «Ваше благородие! На Толстого приказывали не пущать, на Суворина — тащить... Как теперь прикажете?» Как это ни парадоксально, «на Гоголя», казалось бы, крайне неудобного для неё, власть посчитала необходимым народ «тащить». В ряде материалов гоголевского номера проводится мысль, что государство использует авторитет русских классиков в собственных интересах — ради «освящения» существующего порядка. Пышные официальные торжества по случаю юбилеев стали для самодержавия способом препарирования, извращения творческого наследия великих авторов, формой выхолащивания из их произведений подлинного идейного смысла. В центральном материале гоголевского выпуска — «Юбилейной газете» — с помощью остроумного обыгрывания «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинели», «Мёртвых душ», авторы «Сатириконтца» демонстрируют неувядающую актуальность произведений Гоголя. Юмористически и сатирически переиначивая классические гоголевские сцены и образы, сатириконтцы превращали их в средство обличения современных российских порядков.

Ф. Чудаков и здесь, обращаясь к той же самой теме, что и сатириконтцы, расставляет иные смысловые акценты. Он пишет о непреодолимой пропасти, которая пролегает между «сливками общества», то есть господствующим классом, интеллектуальной элитой страны, и простым народом. А причина этого разрыва, как считает автор *шпильки*, —

слепота, глухота, нечувствительность к народным страданиям, непонимание чаяний «младших братьев». Но самое главное – вошедшее в плоть и кровь российской интеллигенции лицемерие, заставляющее её «с умиленным, елейным лицом» вести «игру», ломать «комедию», принимая участие в казённых официозных празднествах. В представлении рабочих, ждущих от просвещённой части общества не пустого трезвона, а «хлеба насущного» (не только в буквальном смысле, разумеется), российская интеллигенция, источающая в угоду власти приторный елей, создающая «шумиху уродскую» вокруг очередного писательского юбилея, «от жиру бесится».

Несмотря на то, что в 1909 году Фёдор Чудаков только-только начинал ощущать себя амурцем, уже тогда в части своих фельетонов он так или иначе затронул проблемы местной жизни. Неудивительно, что именно они вызвали наибольший резонанс у амурских читателей. К числу таких произведений можно отнести стихотворный фельетон «Закрытие порто-франко». Небольшая справка: порто-франко (итал. *porto franco* – свободный порт) – порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства и создаётся с целью оживления приграничной торговли, увеличения товарооборота, с целью насыщения внутреннего рынка дешёвыми импортными товарами. В Российской империи порто-франко существовало в Одессе, Феодосии, Батуми, Владивостоке и т.д. Право беспошлинной торговли распространялось и на Благовещенск. Для Приамурья и в целом Дальнего Востока такой режим международной торговли был особенно важен, так как государство не в состоянии было обеспечить население этих удалённых от центра регионов дешёвыми российскими товарами.

Исходным началом в фельетоне, как известно, выступает жизненный факт, от которого отталкивается сатирик. Стихотворение Чудакова «Закрытие порто-франко» – реакция автора на решение правительственной комиссии якобы исключительно ради блага простого народа ликвидировать в Приамурье режим беспошлинной, не облагаемой таможенными сборами торговли. А это, понятно, могло привести только к одному – к существенному удорожанию импортных (китайских) товаров, к обеднению их ассортимента и, следовательно, к снижению, в конечном счёте, жизненного уровня местного населения, того самого простого народа, о благе которого якобы неустанно пекутся высокие государственные мужи. Стихотворение представляет собой воображаемый, виртуальный диалог, который ведут, с одной стороны, члены правительственной комиссии, объясняющие смысл своего явно лоббистского и по сути антинародного решения, а, с другой, «скептический голос», выражающий авторскую позицию.

Финансовая комиссия:

Фортель мы такой устроим:

Порто-франко призакроем

В приамурской стороне.

Этим цены мы устроим

На изделия извне.

Ведь без пошлин и таможен,

Всё понятно, невозможен

Быт российских мужиков.

К чёрту импорт безвозмездный,

Иностранцам лишь полезный!

К чёрту немцев маклаков!

Нас китайцы обижают

И работу отбивают

У российских христиан.

Нашим потом набивают

Азиатский свой карман.

Как подымутся расходы,

Так китайцы – ходу-ходу –

Так и бросятся бежать!

Объектом сатирического изображения в этом и ряде других фельетонов Чудакова более позднего времени является такая чрезвычайно активная категория государственных деятелей, правительственных чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает беспроектную карту «патриотизма».

Казённых псевдо-патриотов, якобы неустанно пекущихся о благе русского народа, якобы защищающих интересы российского государства, а на деле часто решающих свои узко-групповые и даже коррупционные задачи, Чудаков как человек и как гражданин презирал, а как журналист и писатель высмеивал со всем присущим ему остроумием и язвительностью. Так он поступает и в фельетоне «Закрытие порто-франко», вошедшем в сборник «Шпильки»:

Скептический голос:

Ну, а русскому народу

От чрезмерного расхода

Не придётся... подышать?

Комиссия:

О, не верьте диким слухам,

Будто голоден мужик:

Ведь питаться святым духом

Он давным-давно привык.

Значит, будет всё так гладко,

Без войны, без громких слов!

Голос:

Преклоняюсь пред догадкой

Государственных умов!

Хотя фельетон «Закрытие порто-франко» воспринимался современниками как злободневный, обращённый к событиям тогдашнего времени, к тогдашней социально-экономической ситуации в Приамурье и в России в целом, он, спасибо сегодняшним чиновникам, до сих пор не утратил своей актуальности.

Сегодня, спустя век, можно в полной мере оценить остроумие поэта, меткость, художественную выразительность, а, главное, неувядающую актуальность сатиры Фёдора Чудакова. Фельетоны амурского автора выдержали самое трудное испытание – временем. А всё потому, что его перо нацелено было не на бытовое мелкотемье, а на явления масштабные, государственно, национально и социально значимые.

ШПИЛЬКИ¹⁴

Сказание об Исаакии витязе

«Итак, за кем же пойдёт
русская интеллигенция?»
(из газетной передовицы)

Скакал Исаакий сквозь тьму и туман.
Богато одет он и важен.
Был конь под ним чёрен, как сам Крушеван¹⁵,
Как сам Пуришкевич,¹⁶ — отважен.
Несутся конь с витязем ночи и дни,
Споткнутся и мчатся сугубо,
И вот, наконец, подъезжают они
Ко пнищу столетнего дуба.
От этого пнища, средь голых полян,
Легли три большие дороги.
Затпругал наш витязь и вмиг из стремян
На резвые вскакивал ноги.
На пнище прибита большая доска,
Покрытая илом и грязью,
И чья-то на ней начертала рука
Узорной славянскую вязью:
«Коль скоро налево пойдёшь, молодец,
По самой кремнистой дороге,
Обрящешь колючий терновый венец
И звонкие кольца на ноги.
Трудна та дорога и муки полна,
Найдёшь на ней радости мало,
И только на кончике самом видна
Златая заря идеала.
А если средней дорогой пойдёшь,
Иную судьбу испытаешь:
Хорошего мало на ней ты найдёшь
И мало на ней потеряешь.
В огромное царство она приведёт,
Где правит Царица Рутиня!
В том царстве обрящешь довольство, почёт
И сытый покой мещанина.
Послушай же, витязь, мой добрый совет:
Смелее пускайся по правой.
И будешь не только обут и одет,
Но также вернёшься со славой,
Научишься светлые грёзы глушить,
Идти против правды и света
И будешь в сердцах православных ты жить
На многие, многие лета!»

Опешил наш витязь, когда прочитал
Такие с доски наставленья
И долго в раздумье затылок чесал:
Какое же взять направленья?
Конечные пункты различных дорог
Мешались и путались вместе.
К чему же стремиться? решить он не мог
И начал топтаться на месте.
За месяцем месяц летит и летит,
Один, три, десяток... сто... двести...
А он на распутье, как прежде, стоит,
И топчется, бедный на месте.

Сколько их!..

(Из тюремных мотивов)

Окружённый цепью палей¹⁷,
Неприступен и высок,
Предо мною дом печалей —
Грозный высится острог.

С визгом двери расперлися,
Взвыли цепи на ногах.
«Вы откуда собралися,
Люди в серых армяках?»¹⁸

«Я оттуда, где когда-то
Раздалось на белый свет,
Что “земля у нас богата,
Только в ней порядка нет”¹⁹

Но теперь — теперь порядок,
А богатства — ни-ни-ни!
Тот порядок хоть не сладок,
Но начальства не вини».

¹⁴ Печатается по книге: *Язва*. Шпильки: Сборник стихотворений. — Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. 31 с.

¹⁵ Крушеван Павел Александрович (1860-1909) — журналист, прозаик, публицист праворадикального толка, известный как активный черносотенец, депутат II Государственной думы. — *Здесь и далее примечания публикатора.*

¹⁷ Цепью палей — то же, что палов (от «паль» — устаревшей формы слова «пал»), то есть цепью выжженных мест.

¹⁸ Армяк — верхняя долгополая распахная одежда из домашнего сукна, которую носили в прошлом русские крестьяне. Ко времени создания произведения Ф. Чудакова (1909) образ человека в сером армяке воспринимался культурным читателем как реминисценция, за которой тянется шлейф узнаваемых литературных ассоциаций. См., например, стихотворение А. Блока «Барка жизни встала...» (1904): «Песни и тревога / На пустой реке. / Входит кто-то сильный / В сером армяке».

¹⁹ Неточная цитата из сатирической поэмы А.К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868): «Послушайте, ребята, / Что вам расскажет дед. / Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет...»

– «Я простой рабочий сельский
Из баронских батраков.
Там, где Меллер-Закомельский²⁰,
Я оставил отчий кров!»

– «Я из рижского музея
С божьей помощью утёк.
У меня свихнута шея
И исчезли ступни ног!»

– «Генерала Толмачёва
Верноподданным я был!»²¹
– «Я у князя Горчакова
Задом подати платил!»²²

– «Я Думбадзии счастливой
Горемычный гражданин!»²³
– «Я угрюмый, молчаливый,
Гельсингфорса вольный сын!»²⁴

– «Я – дитя крамольной Польши!»
– «Я – полтавский малорусс!»

– «Я оттоль, где гор всех больше
Седовласый Эльборус!»²⁵

«Я из Пензы толстопятой!»²⁶
«Я пермяк – сосновый лоб!»²⁷
«Я на шутки тароватый»²⁸
Ярославский водохлёб»²⁹

– «Я рязанский толоконник!»³⁰
– «Я – суздальский богомаз!»³¹
– «Пошехонский балахонник»³²,
Я – коров на бане пас!»

– «Я – таёжный медвежатник,
Енисейский гробовоз!»
– «Я тамбовский саламатник!»³³
«Я – амурский спиртонос!»

Чёрт возьми, да разве можно
Всех запомнить, записать!
Трудно прать противу рожна,
Но трудней «шпану» считать.

²⁰ Очевидно, имеется в виду Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844-?) – барон, генерал от инфантерии, с 1904 г. – командующий корпусом. Во время первой русской революции участвовал в подавлении восстания матросов в Севастополе (1905), возглавлял карательную экспедицию на Транссибирской железной дороге. В 1906-1909 гг., занимая должность временного генерал-губернатора Прибалтийского края, принимал жёсткие меры в борьбе с революционным движением. С 1918 г. в эмиграции.

²¹ Толмачёв Иван Николаевич (1863 – после 1929) – генерал-лейтенант. В годы первой русской революции, являясь начальником экспедиционного отряда, отличился решительной борьбой с революционными организациями в Кутаисской губернии. В декабре 1907 г. по личному настоянию премьер-министра П.А. Столыпина был назначен одесским градоначальником. В этой должности покровительствовал правомонархическим организациям города. По словам С.Ю. Витте, премьер-министра в 1903-1906 годы, политика Толмачёва, «с особенной силой преследовавшего евреев», вызывала к нему ненависть левых и либералов. Вслед за убийством Столыпина (1911) Толмачёв был отправлен в отставку. После революции эмигрировал из России.

²² Горчаков Сергей Дмитриевич (1861-1927) – князь, известный государственный деятель. В июне 1906 года был назначен вятским губернатором. На этом посту проявил твёрдость и решительность, особенно при подавлении революционных выступлений. А это, в свою очередь, не могло не вызвать к нему неприязни со стороны либеральной интеллигенции. В 1907 году на губернатора покушался бывший гимназист И.М. Левитский. В 1909 году Горчаков был назначен калужским губернатором и пробыл в этой должности шесть лет.

²³ Под Думбадзией автор стихотворения подразумевает Ялту, градоначальником которой с 1906 года был полковник Иван Антонович Думбадзе – русский офицер, грузин по национальности. См. о нём выше, в статье, предваряющей данную подборку произведений Ф. Чудакова.

²⁴ Гельсингфорс – шведское название Хельсинки, столицы Финляндии, в то время входившей в состав Российской империи.

²⁵ Эльборус – то есть Эльбрус, гора на Кавказе, на границе Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, самая высокая горная вершина России.

²⁶ В старину жителей почти каждого региона России соседи награждали меткими прозвищами, определявшими некую общую особенность населения. Так, торговавшие в основном лаптями пензяки получили прозвище «толстопятые» – из-за того, что лапти у них были не такие, как у прочих, а с особой, двойной пяткой и потому очень удобные в носке и долговечные.

²⁷ Вообще-то широкое распространение и всероссийскую известность получило иное шутовское прозвище коми-пермяков: «пермяк – солёны уши». Нужда заставляла пермяков ходить лесными тропами за две-три сотни километров к соляным заводам, что были расположены на реке Каме в районе города Соликамска, чтобы там закупать соль на целый год для всей семьи. Закинув за плечи мешок с солью, пермяк пешком возвращался обратно. За время долгого пути соляная пыль от мешка оседала у него на ушах. Отсюда, по преданию, и пошло название «пермяк – солёны уши».

²⁸ Тароватый – щедрый, расточительный.

²⁹ Шутовское выражение «ярославский водохлёб» появилось из-за особого пристрастия жителей Ярославля к чаепитию. Доступность воды хорошего качества из Волги и её притоков, зажиточность горожан сделали обильное чаепитие у самовара с баранками и пряниками традицией каждой семьи – от купцов до простых крестьян и ремесленников.

³⁰ Толоконник – любитель *толокна*, овсяной муки, употребляемой крестьянами в пищу с водой или молоком.

³¹ Богомаз – неискусный иконописец. Именно к суздальским богомазам принято относить известную поговорку об иконах: «Годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

³² Балахонник – тот, кто носит балахон; бедный крестьянин (обычно с оттенком пренебрежительности). Пошехонье – небольшой город, административный центр Пошехонского района Ярославской области. В широком смысле, Пошехонье – местность по реке Шексне (прежде – Шехоне).

³³ Саламатник – любитель *саламаты*, то есть жидкой каши из муки с маслом или салом.

Ты скажи, каких губерний
Представителей здесь нет? —
Но... сгустился мрак вечерний
И — не слышен был ответ.

Эстеты

По заключению городского врача Т. перелом носа
и оторвание ушной раковины у потерпевшей ввиду со-
циального её положения (крестьянка) нельзя признать
безобразными её лицо.

*(Из обвинительного акта по делу об истязании
кр. Ив-ой свекровью и мужем)*

В наш век правды и гуманности,
Торжества святых идей,
Удивительные странности
Мы встречали у людей.

Если личико смазливое
Милой барыньки — о, стыд!
Бородавка некрасивая,
Вдруг вскочивши, осквернит, —

Мы кричим: Природа дерзкая!
Как ты смела сей алмаз
Бородавкой этой мерзкою
Осквернить хотя на час!

Гей, на помощь парфюмерия!
Медицина! Марш сюда!
Уничтожь сию «материю»,
Чтобы не было следа!

Увенчались старания...
Мы ликуем без конца:
Вновь прекрасное создание
Услаждает нам сердца!

Ну, а если злообычная
Баба — дикая свекровь,
Над невесткой горемычною
Издеваясь, «пустит кровь»,

Вырвет ухо, вырвет волосы,
Переломит палкой нос
И кнутом ременным полосы
Нанесёт, куда пришлось.

Мы смеёмся: «Вот умора-то!
Полюбуйтесь, господа:
Рожа надвое распорота,
И от уха нет следа!

Тут увидеть преступленья
Могут только простаки:
Ведь в крестьянском положении
Это, право, пустяки!

Говорят, что безобразие,
Что она теперь глуха!
Ну, и что же? Вот оказия!
Ловко, право, ха-ха-ха!»

Гоголевский юбилей

Есть у русских обычай прекрасный:
Если в ком искра Божья горит,
Кто о нашей рутине ужасной
И невежестве сердцем болит,
Кто страдает за наши пороки,
К идеалу святому ведёт,
И горчайшие сыплет упрёки
Всем, кто в пропасть толкает народ, —
Мы того отвратительно травим,
Гоним в ссылку, в могилу, в тюрьму,
А по смерти торжественно ставим
Мавзолей из гранита ему.
Нашей русской натуре богатой
На теченье веков наплевать.
Мы стараемся, хоть поздно вато,
Мертвецу по заслугам воздать.
И горят юбилейные площадки...
С умиленным, елейным лицом,
Наподобье ошпаренной кошки,
Мы хвалебные гимны поём.
Сливки общества (жирные сливки)
«Младших братьев» любезно зовут
И читают умильно «отрывки»,
И умильные речи ведут.
Раздают пятаковые книжки,
Безвозмездно портреты дарят,
В промежутке зевка и отрывки
«На-ка, вот почитай!» говорят.
Всё, что выше простого понятия,
Им стараются растолковать.
Ухмыляются младшие братья,
Ухмыляются: как не понять!
И когда, получивши подарки,
По нетопленным хатам идут —
Мастерят из брошюрок сигарки,
А портрет на божницу кладут.

Вы в восторге от вашей комедии!
Да и как не куражиться вам:
Вы искусств вековое наследие
Разделили и тёмным умам.
Манной кашкой кривляния скучного
Вы помазали алчущий рот
Тем, кто хочет лишь хлеба насущного,
А для вас пироги отдаёт.
Вы хвалиться торжественно станете,
Что исполнили долг пред страной.
Но, скажите, кого вы обманете
Этой жалкой, ненужной игрой?
Эту вашу шумиху уродскую
Понимает рабочий и в ней
Видит только затею господскую
И затрату ненужных рублей.

Ждёте вы, что на шею повесится
Вам рабочий за этот трезвон?
Нет: «От жиру... мы знаем, кто бесится»,
Рассуждает скептически он.
«Красноречья не надо елейного!
Для чего огород городить,
Коль, придя с торжества юбилейного,
Мы не знаем, чем брюхо набить!»

Светлана

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
Крепко-крепко на крючок
Двери запирали.
На валета да туза,
Широко раскрыв глаза,
Взглядывали в страхе...
За окошком ветер выл,
И урядник проходил
В бурке и папахе.

Светит бледная луна
В сумраке тумана.
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
Смех подружек, их задор,
Их трескучий разговор
Не милы Светлане.
Ей веселье в ум нейдёт:
Милый друг её живёт
В диком Турухане.

Что, красавица, с тобой?
Вымолви «словечко»,
И от милого с зарёй
Будешь недалечко!
Пой, красавица: «Кузнец!
Скуй браслетку в шесть колец,
Крепкую, стальную!
В той браслетке дорогой
Поведёт меня конвой
Прямо к Акатую!»

Вот под пение подруг
Снится сон Светлане:
На почтовой тройке вдруг
Прикатали сани.
И откуда ни возьмись,
Милый друг её явился
В армяке острожном.
Потихоньку подошёл,
Взял за ручку и повёл
Шагом осторожным.

Сели в сани, и взвилась
Удалая тройка!
Словно вихорь понеслась
Дико, рьяно, бойко.

Только гул шёл от саней,
Только ветер меж ушей
Заунывно плакал,
Да ямщик на облучке,
Подскочив на бугорке,
Вдохновенно кричал.

Через реки и поля,
Через буераки,
Мчались, душу веселя,
Добрые коняки.
Час ли, год ли промелькнул,
Неизвестно... Только гул
Слышался Светлане.
И у низенькой юрты,
Средь кромешной темноты,
Осадили сани.

Из саней Светлана – скок!
И подходит к двери.
Мрак загадочно-глубок,
Близко рыщут звери.
Оглянулась – друга нет.
И забитый снегом след
Чуть заметен рядом.
Вот вошла она в юрту,
Озирая темноту
Любопытным взглядом.

Посредине камелёк
Гаснет, догорает...
На полу лежит дружок,
Стонет... умирает...
Запеклись его уста,
Окружила чернота
Бархатные брови.
Грудь колеблет тихий стон...
«Милый, ты ли?» Вздрогнул он
При знакомом слове.

Приоткрыл глаза, узнал,
Протянул к ней руки
И протяжно застонал
От глубокой муки.
Приподняться захотел...
И упал... Едва белел
Лик его туманный...
Вот её за руку взял,
Тихо жаловаться стал
Он перед Светланой.

Он сказал, что много дней
И ночей суровых
Тосковал он здесь по ней
В неисходных думах.
Как её он призывал,
Как томился и рыдал
В ожиданье встречи.
Всюду думал лишь о ней
И во сне шептал он ей
Ласковые речи.

А теперь вконец его
Покидает сила:
Назади – нет ничего,
Впереди – могила.
Приподнялся, стихнул вдруг...
Руку девушки из рук
Выронил, слабея...
Ветер выл, свиреп и груб,
И лежал холодный труп,
Тихо коченея...

.....

.....

.....

.....

Вся в поту, дрожа слегка,
Девушка проснулась,
И тяжёлая рука
До неё коснулась.
«Ну, чего ты дрыхнешь? Встань!»
И Светлана, точно лань,
Задрожала в страхе.
Перед ней стоял гигант:
То жандармский был сержант,
В бурке и папахе...

(Прод. известное.)

ВЫСКАЖИТЕ СВОЕ МНЕНИЕ
О ПОВЕСТИ В. МОЛДАВОВА «ТРАВИЛЫ ВОЗРАСТА»

Вот что я думаю о повести Молдавова «Травилы возраста». Это произведение, которое, на мой взгляд, заслуживает внимания. Автор затрагивает важные социальные и психологические проблемы. История, рассказанная в повести, кажется мне очень реалистичной и достоверной. Я думаю, что это произведение будет интересно читать широкому кругу читателей. Автор использует живую и образную лексику, что делает текст очень привлекательным. Кроме того, в повести хорошо проработаны характеры персонажей, что позволяет читателю легко сопереживать им. В целом, мне кажется, что «Травилы возраста» – это произведение, которое стоит прочитать каждому, кто интересуется проблемами современного общества.

Вот что я думаю о повести Молдавова «Травилы возраста». Это произведение, которое, на мой взгляд, заслуживает внимания. Автор затрагивает важные социальные и психологические проблемы. История, рассказанная в повести, кажется мне очень реалистичной и достоверной. Я думаю, что это произведение будет интересно читать широкому кругу читателей. Автор использует живую и образную лексику, что делает текст очень привлекательным. Кроме того, в повести хорошо проработаны характеры персонажей, что позволяет читателю легко сопереживать им. В целом, мне кажется, что «Травилы возраста» – это произведение, которое стоит прочитать каждому, кто интересуется проблемами современного общества.